

Женщина в российском обществе. 2025. № 3. С. 21—36.

Woman in Russian Society. 2025. No. 3. P. 21—36.

Научная статья

УДК 316.346.2

EDN: <https://elibrary.ru/tktjwh>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.3.2

ЖЕНЩИНЫ В РОССИЙСКОМ ВЫСШЕМ КЛАССЕ

Ольга Викторовна Крыштановская, Иван Андреевич Лавров

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Россия, olgakrysht@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется роль женщин в российской политической элите и высшем классе, при этом внимание фокусируется на качественных, а не количественных аспектах их влияния. Выделяются два типа женщин в высшем классе: «профессионалы» — женщины, добившиеся высоких позиций в политике и бизнесе благодаря личным достижениям; «бомонд» — женщины, чей статус основан на брачно-родственных связях с влиятельными мужчинами. Методология исследования включает в себя биографический анализ представителей истеблишмента и высшего класса, сетевой анализ (SNA), расчет комплексного индекса административного ресурса, который измеряет объем социальных связей через членство в элитных сообществах. Результаты показывают, что женщины составляют лишь 18,7 % высшего класса, при этом их доля варьируется от 6 % в экономическом кластере до 55,2 % в бомонде. Женщины-профессионалы, несмотря на их невысокую долю, концентрируются в политике и госструктурах, демонстрируя высокую укорененность в системе. «Светские львицы» формируют периферию высшего класса, их деятельность основана на демонстративном потреблении и медийности. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на сохраняющуюся гендерную асимметрию, роль женщин в российской элите эволюционирует: от символического присутствия к реальному влиянию в ключевых сферах.

Ключевые слова: гендерная асимметрия, высший класс, политическая элита, гендерный дисбаланс, социальный капитал, сетевой анализ, административный ресурс, Россия

Для цитирования: Крыштановская О. В., Лавров И. А. Женщины в российском высшем классе // Женщина в российском обществе. 2025. № 3. С. 21—36.

Original article

WOMEN IN THE RUSSIAN UPPER CLASS

Olga V. Kryshstanovskaya, Ivan A. Lavrov

Russian State University for the Humanities, Moscow,
Russian Federation, olgakryshst@yandex.ru

Abstract. This article examines the role of women in Russia's political elite and upper class, focusing on qualitative rather than quantitative aspects of their influence. Two distinct types of women in the upper class are identified: "professionals" — women who have attained high positions in politics and business through personal achievements; "beau monde" — women whose status is derived from marital or familial ties to influential men. The research methodology combines: biographical analysis of establishment and upper-class representatives; social network analysis (SNA); a composite "Administrative Resource Index" measuring social capital through membership in elite circles. Key findings reveal: women constitute only 18,7 % of the upper class, with representation varying from 6 % in economic clusters to 55,2 % in the beau monde. Professional women, though underrepresented, are concentrated in politics and state structures, demonstrating deep systemic integration. Socialites form the periphery of the upper class, with influence based on conspicuous consumption and media visibility. The study concludes that despite persistent gender asymmetry, women's role in Russia's elite is evolving — from symbolic presence to tangible influence in key spheres.

Key words: gender asymmetry, upper class, political elite, gender imbalance, social capital, social network analysis, administrative resource, Russia

For citation: Kryshstanovskaya, O. V., Lavrov, I. A. (2025) Zhenshchiny v rossiiskom vysshem klasse [Women in the Russian upper class], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 21—36.

Проблеме положения женщин в российском обществе вообще и в политике в частности посвящена обширная научная литература. Ее авторов условно можно было бы разделить на два больших блока: одни занимаются количественными исследованиями в поисках ответа на вопрос «Сколько женщин присутствует в той или иной группе населения?»; другие фокусируются на качественных показателях, связанных с гендерными особенностями различных форм деятельности.

О положении женщин и гендерной асимметрии в России пишут многие авторы. На передовой подобного рода исследований находятся С. Г. Айвазова, Г. Г. Силласте, О. А. Хасбулатова и И. Н. Смирнова [Айвазова, 2017; Силласте, 2020; Хасбулатова, Смирнова, 2023]. Интерес к положению женщин в России проявляют и зарубежные ученые — С. Салменниemi, Р. Кей, Р. Волласт и другие (см., напр.: [Salmenniemi, Adamson, 2015; Kay, 2020; Wollast et al., 2021]).

Многочисленный ряд работ посвящен положению полов на рынке труда и в предпринимательстве (см., напр.: [Панов, 2014; Бурчакова, Хожемпо, 2015; Баскакова, 2019]). Отдельное внимание исследователей привлекает проблема гендерного дисбаланса в политических системах (см., напр.: [Швец, Шепелева, 2015; Козлова, 2016; Овчарова, 2016]). Гендерное неравенство

в России исследователи анализируют используя и комплексные подходы (см., напр.: [Богомолова и др., 2015; Гостенина, Кейзик, 2016; Тагаров, 2020]). Все работы, посвященные гендерному дисбалансу в России, убедительно демонстрируют перевернутую пирамиду — чем ближе к ее вершине, тем меньше численность женщин, и наоборот, чем ниже статус, тем более наполненными женщинами становятся социальные группы.

Исследования авторов предыдущих лет фиксировали тренд в системе образования РФ: высшие позиции в университетах занимают мужчины (женщин среди ректоров вузов всего 18,8 %), а самые низкооплачиваемые позиции (воспитатели дошкольных заведений, учителя сельских школ) — в подавляющем большинстве женщины [Крыштановская и др., 2023]. То же касается и политической сферы: на высших государственных должностях находятся 84,4 % мужчин и только 15,6 % женщин, в то время как доля женщин резко повышается на нижних этажах «табели о рангах» госслужбы [Крыштановская, Лавров, 2024]. Эти факты широко известны, и мы не будем здесь на них останавливаться.

Цель данной статьи — попытаться понять, отличается ли роль и место тех женщин, которые все же достигли высокостатусных позиций, от положения мужчин в российском обществе. Авторы постараются проанализировать не количественные, а качественные характеристики деятельности мужчин и женщин, сравнить их, чтобы понять отличия и гендерные особенности в высших стратах общества. Как это можно сделать?

Операционализация понятий, показатели и эмпирическая база

Объектом данного исследования были женщины, которых авторы причисляют к высшему классу. Под этим классом понимается сообщество людей, имеющих высокостатусные позиции, высокие доходы и обширный социальный капитал.

Э. Гидденс предлагает свое видение классовой дифференциации общества конца XX в. Он определяет классы следующим образом: «Классы можно рассматривать как крупномасштабные группы людей, обладающие сходными материальными ресурсами, что, в свою очередь, определяет образ жизни, которую они ведут. Классовые различия... зависят от благосостояния людей и рода занятий» [Гидденс, 1999: 199]. Британский социолог различает четыре основных класса [там же]:

— высший класс, который составляют богачи, предприниматели и высший слой управленцев;

— средний класс, в котором выделяются «старый средний класс» (малый бизнес, мелкие фермеры), «высший средний класс» (менеджеры высокого уровня квалификации) и «низший средний класс» (продавцы, учителя);

— рабочий класс, состоящий из «высшего рабочего класса» (квалифицированные рабочие с более высоким доходом, более благоприятными условиями труда и большей гарантией занятости) и «низшего рабочего класса» (полуквалифицированные и неквалифицированные рабочие с более низким доходом, менее комфортными условиями труда и меньшей гарантией занятости);

— низший класс, представители которого имеют самый низкий уровень жизни, плохие условия труда и лишены гарантированной занятости.

Пространство высшего класса

Э. Гидденс пишет, что активные агенты действуют в социальной системе, образуя «прерывистые, но рутинные встречи, исчезающие во времени и пространстве, но постоянно восстанавливающиеся в различных областях времени-пространства» [Гидденс, 2015: 486]. Потребность общностей организовывать регулярные встречи, конституирующие и регулирующие их деятельность, моделирует пространство, вычлняя зоны (или «поля», по П. Бурдьё), в которых доминируют особые формы капитала. Для описания социального пространства П. Бурдьё ввел понятие «социальная топология», трактуя его как многомерный социальный универсум, в котором действуют агенты и их группы [Бурдьё, 1993]. Попробуют и авторы нащупать топологию пространства, в котором формируется и функционирует высший класс в России.

Авторы разделяют понятия «элита» и «высший класс», понимая под первым группу официальных лиц, занимающих важные государственные посты (т. е. истеблишмент), а под вторым — более широкую общность людей, связанных не столько должностями, сколько положением, выраженным во владении финансовым, человеческим, символическим и другими формами капитала. Элита, теряя должность в системе власти, теряет свой статус и привилегии. Представители высшего класса, меняя должность или социальную позицию, из-за высокой капитализации своих социальных связей и возможностей продолжают сохранять ресурсы для совершения сделок на административном рынке. Быть частью высшего класса — значит сохранять свой статус при любых переходах, поддерживаясь на плаву сетью связей в высших стратах общества.

Государство пытается втянуть в свою орбиту всех, у кого скопились значительные ресурсы и капиталы, привлекая к деятельности своих формальных и неформальных институтов, награждая привилегиями тех, кто обеспечивает эффективность политики мейнстрима. В политически стратифицированных обществах государство как главный актор распределения ресурсов в значительной степени своими действиями создает высший класс, используя систему наград и привилегий, приближая к центру принятия решений одних и перемещая на периферию других. Поэтому высший класс остается государствоцентричным и тесно связанным с официальным истеблишментом.

В целях операционализации понятия «высший класс» авторы прибегли к поиску тех маркеров высокого статуса, которые связаны с членством персоны во влиятельных сообществах, создаваемых государством или функционирующих под его контролем и попечительством. Такие сообщества авторы разделили на три типа: 1) комиссии (структуры, созданные под какой-то проект, считающийся важным для страны); 2) клубы, организованные для внутригрупповой коммуникации элиты и представителей высшего класса; 3) престижные неформальные мероприятия — тусовки, доступ на которые получают только доверенные люди.

Для анализа объема социальных связей авторы провели социологическое исследование, которое основывалось на учете членства индивидов в сообществах, образующих сеть влиятельных связей, создающих своего рода инфраструктуру высшего класса. Всего авторы отобрали 363 сообщества, включая 121 комиссию и совет, 64 экономических сообщества (включая советы директоров крупнейших компаний, бизнес-ассоциации), 178 руководящих органов НКО

(включая наблюдательные, попечительские и организационные советы общероссийских общественных организаций), а также постоянных участников светских мероприятий с присутствием знаменитостей и наиболее влиятельных людей страны. Всего членами таких «клубов» являются 6559 человек (на 01.03.2024). Это и стало совокупностью людей, социальные связи которых были подвергнуты сетевому анализу.

Авторами был разработан интегральный индекс, фиксирующий объем социальных связей, — индекс административного ресурса (ИАР), представлявший собой сумму «клубов», в которые входил человек. Среднее значение ИАР для всей совокупности исследуемых составило 10,1.

Место женщин в высшем классе

К особенностям высшего класса в России можно отнести гендерную асимметрию, которая присуща всем иерархиям и группам высоких достижений. Женщины в таких группах составляют 18,7 %, а мужчины — 81,3 %.

Наименьшая доля женщин обнаружена в экономическом кластере (всего 6,0 %), который является и самым возрастным, и наиболее брутальным. Среди влиятельных представителей политического блока доля женщин также не высока — 12,0 %, что практически совпадает с удельным весом женщин в российском истеблишменте. Наибольшая их концентрация наблюдается в блоке «третьего сектора» (38,0 %), т. е. в руководстве общественных организаций, фондов и мирке светских тусовок (рис. 1).

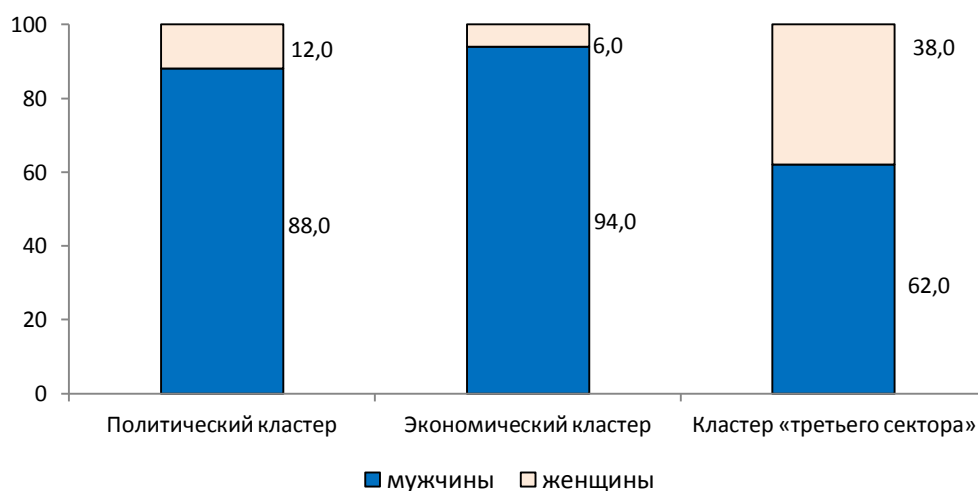

Рис. 1. Гендерный состав кластеров высшего класса, %

Но наивысшей концентрацией «слабого пола» отличается российский *бомонд* (55,2 %). В отличие от других групп высшего класса, определение которых связано с доминирующей формой их капитала (политического или экономического), здесь авторы говорят скорее об образе жизни, подразумевающим склонность к демонстративному поведению и рекреации в широком смысле слова.

Понятие «бомонд» можно объяснить с помощью теории праздного класса Т. Веблена [Веблен, 2017]. Если попытаться обнаружить признаки этой группы в современном российском обществе, то взгляд авторов сфокусируется на состоятельной части общества, которая постоянно занята не производительной, а рекреационной или культурно-благотворительной деятельностью. Публика узнает о персонажах отечественного бомонда главным образом из хроник светской жизни в глянцевах журналах, по их участию в развлекательных ток-шоу на телевидении, по их аккаунтам в социальных сетях, имеющим десятки тысяч подписчиков. Именно представители этой категории — самые активные блогеры, регулярно публикующие фото- и видеоотчеты о своих путешествиях на шикарных яхтах и бизнес-джетах, о присутствии на различных кинофестивалях в окружении других селебрити, неделях моды в разных странах, о новых покупках, будь то наряды люксовых брендов, автомобили, драгоценности или недвижимость. Часто это сопровождается участием в благотворительных вечерах в кругу других богатых и знаменитых гостей. Еще одной приметой российского бомонда является демонстрация «прислуги», в качестве которой обществу предъявляются стилисты, косметологи, визажисты, пластические хирурги, дизайнеры, фотографы и пр.

Относить это сообщество людей к праздному классу можно весьма условно. Большая их часть чрезвычайно занята, имеет собственный бизнес, руководит фондами, организует клубы, шоу, закрытые вечеринки. В сетевых ресурсах без труда можно проследить их активность, так как они откровенно рассказывают о том, чем занимаются, поддерживая целую армию своих фолловеров.

Исследование авторов показывает, что гендерный состав бомонда — это прежде всего женщины, которые являются женами, дочерьми, родственницами, подругами политиков, бизнесменов и других публичных личностей, составляющих высший класс. Чем выше положение супругов «светских львов» и «львиц», тем скромнее становятся их цифровые перформансы, тем более сдержанны их комментарии и оценки происходящего.

Административный ресурс и матрица связей

Посмотрим теперь, как различаются значения индекса административного ресурса у разных групп высшего класса. В таблице 1 представлены ИАР для пяти кластеров и входящих в них гендерных групп, которые позволяют увидеть, что мужчины в целом более влиятельны, чем женщины. И эта разница тем выше, чем меньшую долю в кластере составляют женщины. Единственным исключением является светский кластер, в котором женщин, имеющих большой социальный капитал, более половины (ИАР 1,49 против 1,23).

Среди женщин, имеющих максимальный объем социальных связей, авторы отмечают самых влиятельных. Это глава Роспотребнадзора Анна Попова, генеральный директор Агентства стратегических инициатив Светлана Чупшева, вице-премьер правительства Татьяна Голикова, руководитель образовательного фонда «Талант и успех», председатель Совета федеральной территории «Сириус» Елена Шмелёва, член Общественной палаты РФ Ирина Винер, депутат Государственной думы ФС РФ от «Единой России» Юлия Оглоблина, первый заместитель министра финансов Ирина Окладникова, секретарь Общественной палаты РФ Лидия Михеева, главный редактор государственного телеканала

«Russia Today» Маргарита Симоньян. В этом списке лишь три женщины имеют позиции в истеблишменте (А. Попова, Т. Голикова и Ю. Оглоблина), влияние остальных базируется не столько на их официальном статусе, сколько на личных связях и включенности в элитные неформальные группы.

Таблица 1

**Средний индекс административного ресурса
представителей высшего класса по полу**

Кластер	Среднее значение индекса административного ресурса для гендерных групп		Всего
	Мужчины	Женщины	
<i>Всего</i>	1,73	1,48	1,67
Политический кластер	1,75	1,42	1,67
Экономический кластер	1,32	1,18	1,30
Кластер «третьего сектора»:	1,26	1,30	1,27
общественный кластер	1,23	1,15	1,21
светский кластер	1,23	1,49	1,34

На основе индекса административного ресурса была построена матрица «персона — персона», в ячейки ее пересечений внесена информация о количестве «клубов», в которые входят обе персоны. Затем на основе этой матрицы был построен граф связей всех людей, вошедших в исследование*. Узлами графа стали представители высшего класса, а ребрами — связь между ними. Проведенный сетевой анализ (SNA) выявил пять математически однородных кластеров в структуре высшего класса (рис. 2). Всего в сетевой анализ было включено 6559 человек.

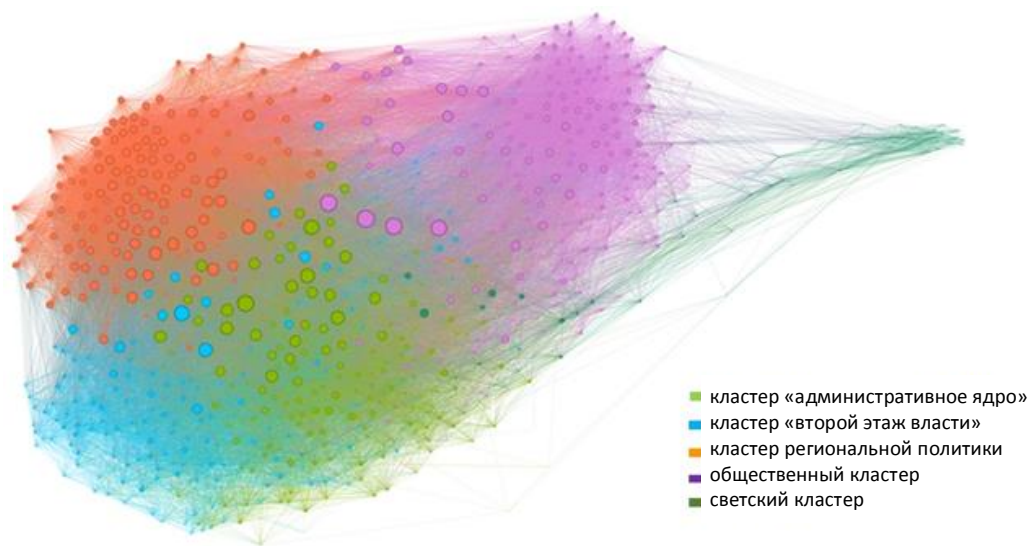

Рис. 2. Граф композиции высшего класса в России

* Использовалось программное обеспечение Gephi.

Обнаруженные математические кластеры были интерпретированы авторами как «административное ядро», «второй этаж власти», кластер региональной политики, общественный кластер и светский кластер.

Первый кластер, расположенный ближе всего к центру графа, описывает 23,3 % всего объема связей и состоит по большей части из представителей истеблишмента (59,6 %) и крупных бизнесменов (31,5 %). Это наиболее могущественная группа высшего класса, которая взаимодействует со всеми остальными кластерами. Влиятельность представителей других кластеров непосредственно зависит от близости к этому «ядру» и от количества связей с его субъектами. Доля женщин в этом кластере составляет 6,9 %.

Рядом с ним располагается кластер, который мы назвали «*второй этаж власти*», он включает в себя 21,0 % исследованной авторами совокупности респондентов, наполнен людьми из политического блока, но стоящих на ступеньку ниже тех, кто попал в «административный центр». Женщины составляют здесь 21,1 %.

Третий кластер, также примыкающий к центральному, преимущественно состоит из государственных служащих, связанных с региональной политикой. Он включает в себя 19,0 % исследуемой совокупности респондентов, 93,8 % из которых имеют позиции в политической системе. Основной группой, наполняющей кластер региональной политики, являются главы субъектов РФ (53,7 %). Кроме этого, в кластере значимую долю имеют депутаты и сенаторы ФС РФ, тоже связанные с регионами (15,9 %), и заместители министров Правительства РФ (15,2 %). Женщины здесь составляют 9,7 %.

Четвертую относительно однородную группу в высшем классе авторы назвали «*общественный кластер*». Это самый большой кластер, в него входит 29,2 % всей выборочной совокупности. Здесь преобладают руководители общественных организаций и различных ассоциаций (79,4 %). Наиболее влиятельными и приближенными к «административному ядру» представителями кластера являются руководители Российского союза промышленников и предпринимателей, «Опоры России», Торгово-промышленной палаты РФ, ректоры крупнейших вузов страны. Женщин здесь — 22,0 %.

Бомонд — женский кластер высшего класса

Единственной группой в изучаемой совокупности, которую можно было бы назвать женской, является *пятый выявленный кластер*, существенно отличающийся от всех прочих. Назовем его светским или бомондом (7,6 % от всего множества). Он наиболее отдален от центра графа, в нем присутствует множество селебрити, разного рода звезд, светских персон, медиаменеджеров, телеведущих, активно участвующих в фешенебельных мероприятиях, появляющихся на обложках глянцевого журналов и ведущих свои блоги в социальных сетях.

Светский кластер неразрывно связан с высшим классом, но, являясь его частью, располагается на периферии графа. Связи этого кластера с «административным ядром» осуществляют главным образом ключевые персоны и руководители крупнейших СМИ и медиахолдингов, исполняющие роль своеобразных медиаторов, обеспечивающих паблисити знаменитостей. Это единственная группа высшего класса, в которой женщины представляют большинство (55,2 %) и их социальный капитал выше, чем у мужчин, — ИАР 1,52 против 1,23

(табл. 2). Среди этого сообщества 22,8 % имеют семейные связи с другими селебрити, 10,7 % — с крупными бизнесменами и 3,5 % — с политиками, входящими в высший класс.

Таблица 2

Административный ресурс персон, относящихся к кластеру светской элиты

Категория представителей социально-профессиональных групп	Доля в группе, %	Среднее значение ИАР
Светские львы и львицы	8,0	2,19
Дизайнеры	1,5	1,89
Бизнесмены (шоу-бизнес, медиабизнес, рестораторы, владельцы похоронного бизнеса, владельцы клиник пластической хирургии и пр.)	6,2	1,76
Журналисты и телеведущие	18,0	1,46
Музыканты, певцы, композиторы	7,5	1,40
Блогеры*	4,0	1,25
Артисты, режиссеры	18,0	1,18
Визажисты, стилисты, пластические хирурги и прочий сервис	1,0	1,17

* Только те, у которых нет другой профессии.

Несмотря на свою удаленность от центрального кластера, у российского бомонда плотные связи с другими сообществами рассматриваемого пространства. Эти связи чаще, чем во всех других случаях, имеют брачно-родственную природу, реже дружескую. П. Бурдьё использовал для обозначения именно таких отношений слово *nesba*, трактуя его как сеть союзников, знакомых и родственников, на которых держится символический капитал человека [Бурдьё, 2001]. Подобного рода связи имеют 39,5 % всех обитателей «высшего света» наших дней.

Ни в одной другой группе высшего класса авторы не видят такого количества семейных уз с представителями других кластеров. Женщины, составляющие половину этого кластера и ведущие светский образ жизни, — это главным образом жены, подруги, дочери, сестры мужчин, которые входят в высший класс. Тут центральную роль играют такие «светские львицы», как Полина Аскери (замужем за миллиардером Борисом Белоцерковским, список Форбс-2005), Ксения Собчак (дочь политиков Анатолия Собчака и Людмилы Нарусовой, бывшая жена актера Максима Виторгана, жена режиссера Константина Богомолова), Сати Спивакова (муж — скрипач и дирижер народный артист РФ Владимир Спиваков), Яна Рудковская (бывший муж — шурин мэра Москвы Юрия Лужкова миллионер Виктор Батурин, ныне жена олимпийского чемпиона по фигурному катанию Евгения Плющенко), Надежда Оболенцева (дочь влиятельного дипломата, второй муж — миллионер Айрат Исаков, третий муж — режиссер Резо Гигинеишвили, бывший муж Анны Михалковой, дочери Никиты Михалкова), Яна Расковалова (дочь высокопоставленного чиновника, муж — бизнесмен Вадим Расковалов), Виктория Шелягова (муж — бизнесмен Олег Шелягов, ведущий в похоронном бизнесе столицы), Ирина Кудрина (жена политика Алексея Кудрина), Анна Бутман (жена

близкого к власти музыканта Игоря Бутмана), Виктория Манасир (жена бизнесмена Зияда Манасира, Форбс-2009) и т. п.

Примеров брачно-родственных отношений внутри высшего класса можно привести множество. И в общем это нормально, когда люди, относящиеся к одному сообществу, находят избранника внутри данного круга. Для социолога важно другое: именно женщины, связанные семейными узами с известными и высокопоставленными мужчинами, образуют как бы внешний контур вокруг ключевых групп российского нобилитета. Их многочисленные связи в этом кругу создают особую устойчивость их социального статуса, что позволяет им держаться на плаву, несмотря на любые бури на личном или деловом поприще.

Другие женщины

Однако, кроме этой гендерной периферии высшего класса, нельзя не видеть все нарастающее влияние женщин, статус которых связан не с их отцами или мужьями, а с личными достижениями. Такие женщины, по данным этого исследования, имеют образовательный индекс, не уступающий индексу коллег-мужчин, среди них не меньше представителей титульной нации, их возрастные показатели также находятся на сопоставимом с мужчинами уровне. Более того, как показало настоящее исследование, они отнюдь не являются теми «символическими женщинами» или «токенами», о которых писали в свое время американские социологи Дж. Мозес и Г. Лапидус [Moses, 1976; Lapidus, 1978], отказывая женщинам в политической субъектности и подчеркивая их декоративную роль в органах власти. Сегодня авторы могут констатировать, что укорененность многих женщин-политиков в системе государства вполне соответствует уровню мужчин, а в ряде случаев и превосходит его. В таблице 3 приведены самые опытные российские женщины-политики, стаж работы которых во властной системе насчитывает десятилетия.

Таблица 3

Топ-10 женщин-политиков по укорененности в системе государственной власти

ФИО	Стаж работы, лет	
	на государственных должностях	в политической элите*
1. Матвиенко Валентина Ивановна	52	26
2. Пивненко Валентина Николаевна	38	28
3. Глебова Любовь Николаевна	36	25
4. Савицкая Светлана Евгеньевна	34	32
5. Карелова Галина Николаевна	34	31
6. Дмитриева Оксана Генриховна	31	26
7. Драпеко Елена Григорьевна	31	25
8. Нарусова Людмила Борисовна	24	24
9. Хованская Галина Петровна	34	22
10. Кармазина Раиса Васильевна	44	21

* Под стажем работы в политической элите имеется в виду занятие руководящих должностей в администрации Президента РФ, правительстве, обеих палатах Федерального собрания РФ и пр.

Долгое пребывание на ключевых должностях позволило этим женщинам нарастить свой социальный капитал, который делает их настоящими политическими тяжеловесами. Высокая степень укорененности в системе дает возможность говорить об их реальном влиянии на принятие государственных решений.

Кроме таких ветеранов политики, как Валентина Матвиенко, Валентина Пивненко, Любовь Глебова, Галина Карелова, Людмила Нарусова и другие, появляются и более молодые чиновники и депутаты с обширными связями в нобилитете: глава Роспотребнадзора Анна Попова, генеральный директор Агентства стратегических инициатив Светлана Чупшева, вице-премьер правительства РФ Татьяна Голикова, руководитель образовательного фонда «Талант и успех», председатель Совета федеральной территории «Сириус» Елена Шмелева и другие (табл. 4).

Таблица 4

**Индексы центральности женщин с наибольшим социальным капиталом
в композиции высшего класса**

ФИО	Степень центральности	Центральность близости	Центральность посредничества	Интегральная влияние
1. Попова Анна Юрьевна	337	0,634	0,0122	2,99
2. Чупшева Светлана Витальевна	335	0,636	0,0106	2,97
3. Голикова Татьяна Алексеевна	278	0,610	0,0113	2,94
4. Шмелева Елена Владимировна	280	0,610	0,0063	2,93
5. Винер Ирина Александровна	268	0,603	0,0043	2,89
6. Оглоблина Юлия Васильевна	232	0,586	0,0036	2,86
7. Окладникова Ирина Андреевна	230	0,574	0,0066	2,85
8. Михеева Лидия Юрьевна	209	0,577	0,0051	2,82
9. Симоньян Маргарита Симоновна	204	0,575	0,0084	2,82
10. Преподобная Надежда Александровна	217	0,568	0,0036	2,79

На графе связей в высшем классе (рис. 3) эти женщины находятся отнюдь не на периферии совокупности, а в его центральных кластерах, а это свидетельствует о том, что они принимают активное участие в выработке ключевых решений, а не являются декорацией, украшающей политический ландшафт. Они не только активны, но и постоянно расширяют ареал своего обитания в политическом поле. Когда-то советские женщины находились в тесной нише социальной политики, занимаясь преимущественно вопросами семьи, материнства,

детства, иногда здравоохранения. Теперь поле деятельности «других женщин» значительно расширилось: культура, экология, безопасность, финансовая политика, образование, международные отношения и прочие важнейшие сферы стали им подвластны.

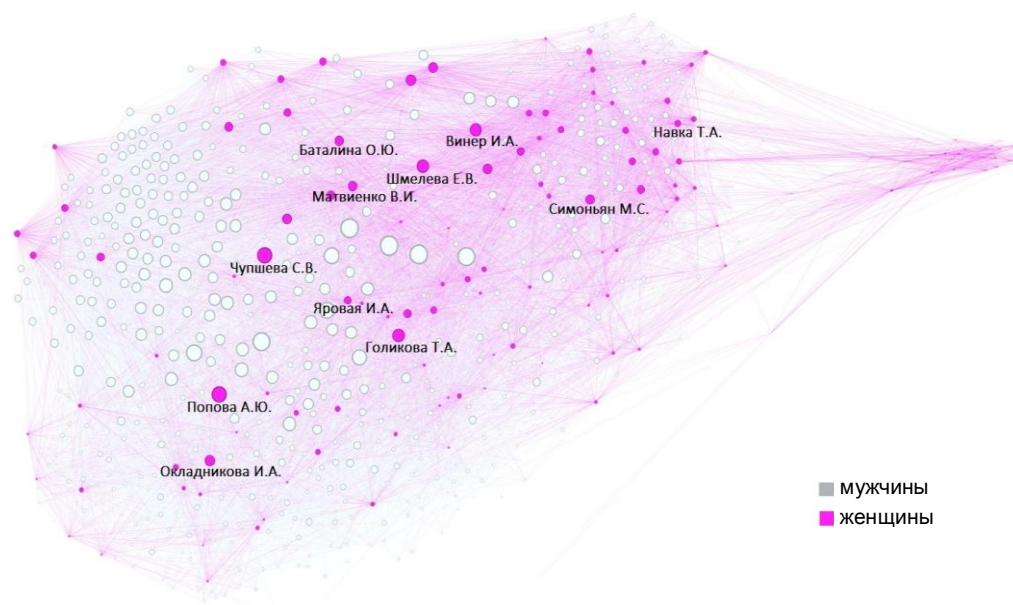

Рис. 3. Граф связей высшего класса с выделением узлов по полу

Выводы

В российском высшем классе присутствует два разных типа высокостатусных женщин. Влияние одних строится на их профессионализме и укорененности в системе власти. Влияние других зиждется на их брачно-родственных связях с мужчинами данного круга.

Есть ли противоречия между этими группами? Для того чтобы ответить на данный вопрос, авторы изучили публичную деятельность представительниц обоих кластеров. Представительницы российского бомонда проявляют невероятную активность в развитии своей публичности. Они ведут социальные сети, являются завсегдатаями тусовок, светских и благотворительных мероприятий. Их рекреационные пристрастия всем известны: у кого какая яхта, любимый бренд одежды, драгоценностей или фарфора, предпочитаемые виды зимнего и летнего отдыха, свадьбы, разводы, дни рождения, успехи детей — все это выносится на страницы массмедиа, тиражируется и широко обсуждается.

Представительницы истеблишмента, напротив, склонны к закрытости, часто не имеют своих аккаунтов в социальных сетях, никогда не публикуют фотографии в купальниках или вечерних платьях. Их публичный перформанс наполнен аскетизмом и деловитостью: если фотографии — то с совещаний, если поездки — то не на курорты, а в российские регионы, если обсуждения — то только важных государственных решений. Даже их внешний вид в последние

годы претерпел существенные изменения в направлении скромности, сухости, блеклости нарядов. Они отвечают за то, как в обществе воспринимают руководство страны и проводимую политику, и ответственность за это накладывает свой отпечаток.

Эти две столь разные группы влиятельных женщин практически не соприкасаются друг с другом. Одни стремятся быть как можно ярче, эпатажнее, удивлять и заставлять говорить о себе, другие, напротив, демонстрируют, что они «винтик» системы и отвечают за ее бесперебойную работу, действуя осторожно и профессионально. Они похожи друг на друга как Мадонна на Маргарет Тэтчер. Их вкусы, пристрастия, характер публичности противоположны. Но, несмотря на это, надо признать, что роль женщин в российском обществе существенно изменилась. Да, пока они составляют всего 15 % истеблишмента и 12 % высшего класса, но это уже не доярки и ткачихи Верховного Совета СССР, не бессубъектные «токены», лишь изображающие равенство полов. Сегодня идет процесс не экстенсивного, а интенсивного развития, когда женщины хоть и не увеличивают свое численное присутствие, приходят на важные позиции в стране, углубляя свое реальное влияние и расширяя ареал своей деятельности. Меняется общество, и роль женщин становится более существенной и важной.

Список источников

- Айвазова С. Г. Гендерный дискурс в поле консервативной политики // Женщина в российском обществе. 2017. № 4. С. 3—13.
- Баскакова М. Е. Гендерная асимметрия малого бизнеса: (на примере Москвы) // Мир новой экономики. 2019. № 3. С. 100—111.
- Богомолова И. С., Гриненко С. В., Задорожная Е. К. Индекс человеческого развития и гендерное равенство: взаимообусловленность показателей // Проблемы управления. 2015. № 1. С. 38—46.
- Бурдьё П. Социология политики: пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
- Бурдьё П. Практический смысл / пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; отв. ред. пер., послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
- Бурчакова М. А., Хожемто В. В. Гендерная асимметрия в сфере труда в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Экономика. 2015. № 1. С. 28—37.
- Веблен Т. Теория праздного класса. М.: URSS, 2017. 368 с.
- Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС. 1999. 703 с.
- Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуры. М.: Акад. проект, 2015. 528 с.
- Гостенина В. И., Кейзик А. С. Индекс гендерного неравенства: методика расчета и реализация // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11, № 1. С. 28—35.
- Козлова Н. Н. Депутатский корпус Центрального федерального округа: гендерное измерение // Женщина в российском обществе. 2016. № 4. С. 58—71.
- Крыштановская О. В., Лавров И. А. Женщины в российской политике: аборигены или туристы? // Перспективы и детерминанты достижения равноправия полов

- в современном мире: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2024. С. 10—17.
- Крыштановская О. В., Лавров И. А., Юшкина Н. А. Женщины-ректоры и «стеклянный потолок» // *Женщина в российском обществе*. 2023. № 1. С. 4—19.
- Овчарова О. Г. Гендерная асимметрия политики: изменение мировой конфигурации // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2016. № 2. С. 70—81.
- Панов А. М. Гендерный анализ российского рынка труда // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2014. № 3. С. 235—247.
- Силласте Г. Г. Рынок труда, занятости и профессий как экономическое пространство формирования нового гендерного порядка // *Женщина в российском обществе*. 2020. № 2. С. 38—51.
- Тагаров Б. Ж. Экономические причины гендерного неравенства на рынке труда // *Экономика труда*. 2020. Т. 7, № 1. С. 15—26.
- Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Социальный статус женщин в российском обществе (1992—2022) // *Женщина в российском обществе*. 2023. № 4. С. 3—19.
- Швец Л. Г., Шепелева Ю. Л. Гендерный аспект властных отношений: проблемы и направления развития: монография. М.: Кредо, 2015. 148 с.
- Kay R. A liberation from emancipation? Changing discourses on women's employment in Soviet and post-Soviet Russia // *Russia After Communism*. London: Routledge, 2020. P. 51—72.
- Lapidus G. W. *Women in Soviet Society: Equality, Development, and Social Change*. Berkeley: University of California Press, 1978. 381 p.
- Moses J. C. Indoctrination as a female political role in the Soviet Union // *Comparative Politics*. 1976. Vol. 8, № 4. P. 525—547.
- Salmenniemi S., Adamson M. New heroines of labour: domesticating post-feminism and neoliberal capitalism in Russia // *Sociology*. 2015. Vol. 49, № 1. P. 88—105.
- Wollast R., Riemer A. R., Gervais S. J., Grigoryan L., Bernard P., Klein O. How cultural orientation and self-compassion shape objectified body consciousness for women from America, Belgium, Russia, and Thailand // *Self and Identity*. 2021. Vol. 20, № 7. P. 930—950.

References

- Aivazova, S. G. (2017) Gendernyi diskurs v pole konservativnoi politiki [Gender discourse in the field of conservative politics], *Zhenshchina v Rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—13.
- Baskakova, M. Ye. (2019) Gendernaia asimetriia malogo biznesa: (Na primere Moskvy) [Gender asymmetry in small business: (Case study of Moscow)], *Mir novoi ekonomiki*, no. 3, pp. 100—111.
- Bogomolova, I. S., Grinenko, S. V., Zadorozhnaya, Ye. K. (2015) Indeks chelovecheskogo razvitiia i gendernoe ravenstvo: vzaimoobuslovennost' pokazatelei [Human development Index and gender equality: interdependence of indicators], *Problemy upravleniia*, no. 1, pp. 38—46.
- Bourdieu, P. (1993) *Sotsiologiia politiki* [Sociology of politics], Moscow: Socio-Logos.
- Bourdieu, P. (2001) *Prakticheskii smysl* [Practical meaning], St. Petersburg: Aleteiia.
- Burchakova, M. A., Khozhempo, V. V. (2015) Gendernaia asimetriia v sfere truda v Rossii [Gender asymmetry in the labor sphere in Russia], *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov, seriia Ekonomika*, no. 1, pp. 28—37.
- Giddens, A. (1999) *Sotsiologiia* [Sociology], Moscow: Editorial URSS.
- Giddens, A. (2015) *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii* [The constitution of society: Outline of the theory of structuration], Moscow: Akademicheskii proekt.

- Gostenina, V. I., Keyzik, A. S. (2016) Indeks gendernogo neravenstva: metodika raschëta i realizatsiia [Gender Inequality Index: calculation methodology and implementation], *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*, vol. 11, no. 1, pp. 28—35.
- Kay, R. (2020) A liberation from emancipation? Changing discourses on women's employment in Soviet and post-Soviet Russia, in: *Russia After Communism*, London: Routledge, pp. 51—72.
- Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2023) Sotsial'nyi status zhenshchin v rossiiskom obshchestve (1992—2022) [The social status of women in Russian society (1992—2022)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—19.
- Kozlova, N. N. (2016) Deputatskii korpus Tsentral'nogo federal'nogo okruga: gendernoe izmerenie [The deputies of the Central Federal District: gender dimension], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 58—71.
- Kryshstanovskaya, O. V., Lavrov, I. A. (2024) Zhenshchiny v rossiiskoi politike: aborigeny ili turisty? [Women in Russian politics: natives or tourists?], in: *Perspektivy i determinanty dostizheniia ravnopraviiia polov v sovremennom mire: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*, Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 10—17.
- Kryshstanovskaya, O. V., Lavrov, I. A., Yushkina, N. A. (2023) Zhenshchiny-rektory i "stekliannyi potolok" [Female rectors and the "glass ceiling"], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 4—19.
- Lapidus, G. W. (1978) *Women in Soviet Society: Equality, Development, and Social Change*, Berkeley: University of California Press.
- Moses, J. C. (1976) Indoctrination as a female political role in the Soviet Union, *Comparative Politics*, vol. 8, no. 4, pp. 525—547.
- Ovcharova, O. G. (2016) Gendernaia asimmetriia politiki: izmenenie mirovoi konfiguratsii [Gender asymmetry in politics: changing the global configuration], *Iuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk*, no. 2, pp. 70—81.
- Panov, A. M. (2014) Gendernyi analiz rossiiskogo rynka truda [Gender analysis of the Russian labor market], *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, no. 3, pp. 235—247.
- Salmenniemi, S., Adamson, M. (2015) New heroines of labour: domesticating post-feminism and neoliberal capitalism in Russia, *Sociology*, vol. 49, no. 1, pp. 88—105.
- Shvets, L. G., Shepeleva, Yu. L. (2015) *Gendernyi aspekt vlastnykh otnoshenii: problemy i napravleniia razvitiia*: Monografiia [Gender aspect of power relations: problems and development directions: A monograph], Moscow: Kredo.
- Sillaste, G. G. (2020) Rynok truda, zaniatosti i professii kak ekonomicheskoe prostranstvo formirovaniia novogo gendernogo poriadka [The labor, tmployment, and professions market as an economic space for the formation of a new gender order], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 38—51.
- Tagarov, B. Zh. (2020) Ekonomicheskie prichiny gendernogo neravenstva na rynke truda [Economic causes of gender inequality in the labor market], *Ekonomika truda*, vol. 7, no. 1, pp. 15—26.
- Veblen, T. (2017) *Teoriia prazdnogo klassa* [The theory of the leisure class], Moscow: URSS.
- Wollast, R., Riemer, A. R., Gervais, S. J., Grigoryan, L., Bernard, P., Klein, O. (2021) How cultural orientation and self-compassion shape objectified body consciousness for women from America, Belgium, Russia, and Thailand, *Self and Identity*, vol. 20, no. 7, pp. 930—950.

Статья поступила в редакцию 19.05.2025; одобрена после рецензирования 02.06.2025; принята к публикации 09.06.2025.

The article was submitted 19.05.2025; approved after reviewing 02.06.2025; accepted for publication 09.06.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Крыштановская Ольга Викторовна — доктор социологических наук, директор Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр», Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, olgakrysht@yandex.ru (Dr. Sc. (Sociology), Director of the Scientific Center of Digital Sociology “Yadov-center”, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation).

Лавров Иван Андреевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр», Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, lavrov.sociology@gmail.com (Cand. Sc. (Sociology), Senior Researcher at the Scientific Center of Digital Sociology “Yadov-center”, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation).